

К 1953 г. сотрудники отдела МВД БССР накопили большой опыт в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Благодаря их усилиям в республике действовало 18 детских приемников-распределителей, 3 детские трудовые и воспитательные колонии. Сформировался кадровый состав, наладилась система снабжения, распределения воспитанников детских учреждений в народное хозяйство и на учебу.

За 1944–1953 гг. благодаря усилиям сотрудников отдела и подразделений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью были разысканы, изъяты с улиц, помещены в специальные детские учреждения, получили образование и социальную адаптацию в детских приемниках-распределителях и колониях НКВД – МВД БССР 99 168 детей.

Однако, по нашему мнению, это направление деятельности органов внутренних дел могло быть более эффективным, если бы не наступившая во второй половине 40-х гг. полоса ведомственных реорганизаций МВД, на наш взгляд, не всегда обоснованных. В январе 1947 г. из МВД в Министерство государственной безопасности (МГБ) были переданы внутренние войска и транспортная милиция. В апреле 1948 г. из МВД в МГБ были переданы войска по охране железных дорог. В октябре 1949 г. Главное управление милиции МВД СССР, включая детские комнаты милиции, перешло в состав МГБ. В ведении отделов по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью остались детские приемники-распределители и детские колонии, соответственно снизилось финансирование. Фактически была разорвана налаженная схема работы с безнадзорными и беспризорными детьми. В феврале 1950 г. Главное управление по борьбе с бандитизмом МВД СССР, сотрудники которого раньше оказывали большую помощь в борьбе с детской беспризорностью и преступностью, реорганизовано в Главное управление МВД СССР по оперативному розыску и затем передано в ведение МГБ. В декабре 1950 г. отделы МВД по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью переименованы в отделы детских колоний с сокращением численности и финансирования. И наиболее непоследовательная реорганизация подразделений по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью произошла в марте – апреле 1953 г. 28 марта 1953 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О передаче из Министерства внутренних дел СССР в Министерство юстиции СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний». Отдел детских колоний в составе Главного управления лагерей из ведения МВД СССР перешел в ведение Министерства юстиции СССР. 18 апреля 1953 г. был подписан акт о приемопередаче из МВД БССР в Министерство юстиции БССР отдела детских колоний со всеми штатами и подначальными учреждениями и организациями.

Последствием такой реорганизации стало значительное ослабление руководства детскими учреждениями. В отчете о работе отдела детских колоний управления исправительно-трудовых колоний Министерства юстиции БССР за 1953 г. начальник отдела майор Червяков отмечал, что с марта 1953 г. отдел фактически остался без руководства. Только в июне он был организационно включен в состав министерства. Если в составе МВД детскими учреждениями в областях руководили начальники областных управлений МВД и все важные вопросы они решали на месте, то после реорганизации областные управления юстиции не приступали к руководству детскими учреждениями, считая эту работу не своей. Фактически отдел детских колоний сам, независимо от Минюста, руководил детскими колониями, в том числе осуществил масштабную амнистию из Бобруйской колонии для несовершеннолетних, обеспечил подготовку колоний к зиме, осуществил прием нового контингента осужденных несовершеннолетних, успешно организовал летние оздоровительные и пионерские лагеря. После слияния отдела детских колоний (сокращенного по штату с 18 до 12 единиц) с управлением Минюста работа отдела свелась к организации учебно-воспитательной работы, режима, охраны, комплектования детских учреждений и профессионально-технического обучения подростков.

Ряд вопросов (медобслуживание, производство, интендантское и техническое обеспечение, финансирование строительства и ремонта помещений) перешли соответствующим службам управления исправительно-трудовых лагерей и колоний. Такая реорганизация, по мнению профессионалов МВД, ощутимо отрицательно сказалась на работе детских учреждений. На местах инспекторы, оказавшись без постоянного контроля, значительно ослабили свою работу. После реорганизации образовался некомплект ряда должностей – инспекторов по учебно-воспитательной работе, бухгалтеров и др.

Данное ошибочное решение было своевременно исправлено. Постановлением Совета Министров СССР от 21 января 1954 г. содержание, охрана и учет всех осужденных к лишению свободы, содержание воспитанников детских воспитательных колоний и приемников-распределителей было вновь возложено на МВД СССР. В соответствии с этим постановлением совместным приказом Министерства юстиции СССР и МВД СССР от 28 января 1954 г. в МВД передавались детские трудовые колонии для содержания осужденных несовершеннолетних и детские трудовые воспитательные колонии, детские приемники-распределители и инспекции исправительно-трудовых работ со всеми входящими в их состав службами и подразделениями.

УДК 94(476).084.5

А.В. Кащеев

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ МИНСКОЙ ШКОЛЫ МИЛИЦИИ В СЕРЕДИНЕ 20-х гг. XX в. И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

История системы профессиональной подготовки милицейских кадров на территории Беларуси насчитывает не одно десятилетие. В прошлом году ведущее учреждение образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь – Академия МВД – отметило свой шестидесятилетний юбилей. Однако первым учреждением образования, готовившим кадры для белорусской милиции, была Минская школа милиции. Созданная в 1922 г., с 1924 г. она являлась неотъемлемой частью

управления милиции и уголовного розыска НКВД БССР (УМиУР). Организацию и деятельность этого учреждения образования в той либо иной степени рассматривали А.Ф. Вишнеvский, С.Ф. Лапанович и др. Однако вопросы качества подготовки курсантов Минской школы милиции в контексте их служебной деятельности в практических подразделениях не нашли широкого представления в историографии.

Необходимо отметить, что УМиУР уделял большое внимание организации образовательного процесса в школе милиции и качеству подготовки кадров. Уже сам факт участия начальника УМиУР Ефима Моисеевича Кроля в преподавании (по данным С.Ф. Лапановича, Кроль преподавал Милицейский устав) и в принятии итоговых экзаменов у курсантов (председатель экзаменационной комиссии) свидетельствует о заинтересованности руководства белорусской милиции в подготовке высококвалифицированных кадров. Однако для определения качества подготовки курсантов и разработки соответствующих мер по ее улучшению необходимо было учитывать мнение не только преподавателей и членов экзаменационной комиссии, но и руководителей практических подразделений, на службу в которые были направлены выпускники школы милиции. И руководство белорусской милиции это прекрасно понимало. Так, в начале сентября 1925 г. начальникам окружных милиций был направлен циркуляр начальника УМиУР, в соответствии с которым для анализа подготовки курсантов милицейской школы последнего выпуска запрашивалась информация по следующим пунктам: 1) какие отрицательные явления прослеживались в работе курсантов; 2) правильно ли проводилась ими линия классового подхода в работе с населением; 3) дисциплинированность; 4) в каких направлениях милицейской работы у большинства курсантов встречались трудности применения теоретических знаний в практической работе. Запрашиваемая информация начальниками окружных милиций должна была быть направлена в УМиУР до 15 сентября.

Рассматривая содержащиеся в рапортах начальников (в первую очередь районных отделов и городских (г. Минска) отделений) сведения можно определить, что на практической службе выпускники Минской школы милиции сталкивались с серьезными трудностями. Так, в качестве отрицательных явлений в служебной деятельности отмечались «сживание с населением», отсутствие «милицейского духа» и т. д. В ряде случаев указывалось на отсутствие классового подхода в работе с населением. У некоторых начальников вопросы вызывала и дисциплина новоиспеченных милиционеров. Ряд руководителей отмечали малограмотность и слабую ориентировку в обстановке бывших курсантов. Если ориентироваться в обстановке новые сотрудники милиции могли, достаточно быстро погружаясь в практическую работу, то проблема малограмотности, по-видимому, сохранялась. Дефицит кадров создавал условия, когда в школу милиции попадали курсанты, не полностью соответствовавшие предъявляемым требованиям, в частности грамотности. Начальник 2-го отделения Минской окружной милиции в своем рапорте указал, что во вверенном ему округе был один бывший курсант – Богданов, который занимал должность помощника квартального надзирателя, но не соответствовал своему назначению по всем пунктам. С.Ф. Лапанович в одной из своих статей проводит сравнительный анализ должностей, с которых поступали в школу милиции и на которые назначались после ее окончания. Эти данные показывают карьерный рост большинства выпускников, но не свидетельствуют о качественном использовании полученных знаний в практической работе, так как назначение происходило фактически по формальным признакам. При этом назначенные на должности младших милиционеров со временем могли сдать экзамен и получить вышестоящую должность.

Такая ситуация наблюдалась в 4-м отделении Минской окружной милиции, где проходили службу в должностях младших милиционеров четыре бывших курсанта школы милиции. Однако, получив повышение, отмеченные сотрудники проявили себя не с самой лучшей стороны, чем показали пробелы своей профессиональной подготовки в Минской школе милиции. Как указывал начальник этого отделения, сдав экзамен и получив назначение помощниками квартальных надзирателей, бывшие курсанты не могли «составить протокол о нарушении обязательных постановлений, а также выдать справку об имущественном положении того или иного гражданина, чем доказали незаинтересованность в милицейской работе и тупость в отношении воспринимаемых указаний». Столь нелюбимая характеристика объяснялась тем, что младшие милиционеры, не окончившие школы милиции, будучи грамотными и заинтересованными в своей работе, прослужив всего 3–4 месяца в своей должности, могли беспрепятственно работать помощниками квартальных надзирателей. И этому были реальные примеры. Таким образом, ставилась под сомнение необходимость обучения в школе милиции, если в практической деятельности полученные знания не применялись либо этих знаний было недостаточно. В качестве рекомендации в своем рапорте начальник 4-го отделения указал на необходимость параллельно с теоретическими занятиями проводить практическую работу при отделениях.

В то же время имелись и полностью положительные отзывы, когда сотрудник милиции, имея достаточный опыт практической деятельности, с должности старшего милиционера поступал в Минскую школу милиции для получения новых знаний и навыков, осознавая, что имеющиеся являются недостаточными либо фрагментарными.

По-видимому, полученная УМиУР информация привела к корректировке учебных планов школы милиции. Как указывает А.Ф. Вишнеvский, приказом начальника УМиУР от 10 февраля 1926 г. сотрудники милиции привлекались к проведению практических занятий с курсантами. Более того, курсанты еженедельно должны были посещать органы милиции, в которых они закреплялись за квартальными надзирателями. Под руководством последних курсанты должны были постигать азы практической деятельности – совершать ночные обходы, дежурить в отделении, проводить дознание (самостоятельно – не менее двух дознаний). В соответствии с учебным планом, практикуясь в кварталах, курсанты также осваивали порядок прописки, изучали свой квартал, оказывали помощь практическим сотрудникам и вели правовую пропаганду.

Таким образом, уже в годы становления системы профессиональной подготовки милицейских кадров стала очевидной необходимость расширения ее практико-ориентированной составляющей. Фактически именно эта составляющая в середине 20-х гг. XX в. определяла качество подготовки выпускников Минской школы милиции и эффективность их служебной деятельности в практических подразделениях.